

ПОВЕСТЬ В.С. ГРОССМАНА «ВСЕ ТЕЧЕТ...»
В ОЦЕНКЕ КРИТИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
1970–1980-х гг.

В статье изучается специфика критической рецепции повести Гроссмана «Все течет...» в русскоязычной эмигрантской прессе. Автор анализирует отзывы на книгу и приходит к выводу, что она воспринималась исключительно как политическое сочинение. Подробно описываются полемика между рецензентами повести, а также круг проблем, затронутых в ходе дискуссии.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, «Все течет...», критика Русского Зарубежья, А.П. Столыпин, Д.М. Штурман, А.И. Солженицын, Ш.П. Маркиш.

Имя В.С. Гроссмана современный читатель, как правило, соотносит с заглавиями двух его антисоветских произведений – романа «Жизнь и судьба» и повести «Все течет...», опубликованных в СССР в 1988 и 1989 гг. соответственно¹.

Однако, несмотря на популярность и родственность «Жизни и судьбы» и «Все течет...», исследованы эти тексты отнюдь не «пропорционально». Поэтике и идеологии первой книги посвящены десятки работ². История ареста рукописей «Жизни и судьбы», осуществленного 14 февраля 1961 г., до сих пор рассказывается как детективный роман и провоцирует полемику между учеными³.

О «Все течет...» известно существенно меньше. Обычно говорится, что работал над ней Гроссман с 1955 г. до самой смерти. Упоминается иногда, что еще в 1970 г. повесть была напечатана в Германии, подробности при этом не сообщаются. Не говорится ничего и о реакции эмигрантской критики на появление гроссмановского сочинения⁴. Именно последнему вопросу и посвящена данная статья.

* * *

Сказанное выше о публикации «Все течет...» в Германии верно лишь наполовину. Действительно, повесть вышла в издательстве «Посев» в 1970 г.⁵ Однако эта публикация не была первой. Еще раньше две главы повести были напечатаны журналом «Грани», и еще одна – журналом «Посев»⁶. Эти публикации были призваны анонсировать будущее книжное издание. Однако и это еще не все: чтобы напечатать фрагменты «Все течет...», редакция «Граней» даже решила изменить формат журнала: «<...> Этот номер выходит с увеличенным количеством страниц из-за того, что в последний момент, когда номер подписывался к печати, в него были включены отрывки из книги “Все течет...” Вас. Гроссмана»⁷.

В это же время явно торопившаяся познакомить читателя с гроссмановской повестью редакция «Граней» заявила, что только издательство «Посев» (в котором и выходили журналы «Грани» и «Посев») обладает эксклюзивным правом на публикацию «Все течет...». На первой же странице, в сноске, было сказано: «Перепечатка или перевод на иностранные языки, даже в отрывках, воспрещается. © 1970 by Possev-Verlag, V. Gorachek, Frankfurt/M».

Это заявление могло бы свидетельствовать, что «Все течет...» – настоящая литературная находка для издательства. Можно было бы ожидать потока рецензий на это сочинение. Однако с 1970 по 1979 г. включительно в эмигрантской прессе появилось всего лишь два отзыва, причем первый был разгромным.

В 1971 г. в 81-м номере «Граней» же была напечатана статья А.П. Столыпина «Ошибочная историческая концепция Вас. Гроссмана»⁸. Главным объектом критики в ней стал образ России – «великой рабы», как изобразил ее во «Все течет...» Гроссман. Уподобив Гроссмана и прочих интеллигентов «великому нытику Некрасову» (sic!), Столыпин предупреждает об опасности неверия в силу русского духа: «Если Россия – вечная раба и ни к чему иному, чем к рабскому состоянию, не приспособлена, то, может быть, и никакой строй, чем тоталитарный, в нашей стране не возможен?» Затем он, впрочем, проявляет снисходительность к автору, сетуя на то, что тот просто не смог выучить историю, живя в изолированном государстве, и, видимо, был склонен к депрессиям, что и отразилось на тональности его последнего сочинения.

Далее Столыпин полемизирует с утверждением Гроссмана, что настоящее Русское государство родилось, когда был отменен Юрьев день: «Поскольку речь идет о “рождении русской государственности”, выходит так, что “Юрьев день” был упразднен в 862 году с воцарением нашей первой варяжской династии, а не Бо-

рисом Годуновым в самом конце XVI века, как это имело место на самом деле. Ведь нельзя же утверждать, что в течение более семисот лет – от Рюрика до Бориса Годунова – вместо русской государственности было лишь розовое облачко?»

Вердикт Столыпина суров: «А так получается довольно сбивчивая картина, дезориентирующая малосведущих, огорчающая ревнителей нашей народной истории, могущая быть взятой на вооружение иностранными недоброжелателями нашей страны, которые любят приписывать возникновение и длительность тоталитарного властвования в России специфическим чертам “русской души”».

Таким образом, автор не оправдал ожиданий критика. Воздвигая собственную идеологическую систему, он не более чем огорчил «ревнителей нашей народной истории», а также, сам того не ведая, предоставил замечательный повод неким «иностранным недоброжелателям нашей страны» осудить слабость русской природы. Примечательно, что о расстроенных чувствах ревнителей русской истории сокрушается эмигрантский критик. Также примечательно и то, что, осуждая неполноценную, противоречащую, с его точки зрения, фактам историческую концепцию Гроссмана, Столыпин выдвигает свою историческую концепцию, пожалуй, еще менее полноценную, не учитывающую еще большего количества факторов. Поэтому складывается впечатление, что задача критика – не оценить произведение, а объяснить, почему оно плохо. Однако это не единственная странность. Столь дорогая, как можно было бы судить по редакционному предисловию, литературная находка была не только разгромлена «Гранями», но и постепенно перестала издаваться. Дискредитированная повесть активно рекламировалась в эмигрантской прессе, однако переиздана была только в 1973 и 1974 гг., после чего уже ни разу не была перепечатана за границей. В середине 1980-х годов она уже считалась библиографической редкостью⁹.

В этом отношении особую значимость приобретают претензии издательства «Посев» на эксклюзивное право публикации «Все течет...». Ведь такое заявление возлагает на издательство ответственность не только за публикацию – но и за неопубликование текста. При этом до сих пор остается неясным, на каком основании подобное заявление вообще было сделано. Ведь в то время была жива наследница Гроссмана, Е.В. Короткова-Гроссман (р. 1930). И пусть формальностями можно было и пренебречь (автор мертв, повесть при его жизни не публиковалась...), это не могло служить ни объяснением, ни оправданием посевовского заявления. Поэтому невольно складывается впечатление, что решалась не столько

задача анонсирования и популяризации книги, сколько установление контроля над ее хождением за границей. Эта задача, вероятно, представлялась актуальной, коль скоро повесть оскорбляла чувства «ревнителей нашей народной истории» и могла сыграть на руку «иностранным недоброжелателям нашей страны».

Как бы то ни было, молчание затянулось на восемь лет. И только в 1979 г. в журнале «Время и мы» появилась статья Д.М. Штурман «Стукачи и гонг справедливости»¹⁰. В отличие от Столыпина Штурман анализирует не концепцию рабства в русской истории, а проблему доносительства, одну из главных в повести.

Штурман преклоняется перед человечностью Гроссмана, отказавшегося судить доносчиков, и заявляет, что именно по этой причине не может вполне доверять прозаику и историку А.И. Солженицыну, оправдывавшему в «Архипелаге ГУЛАГ» убийство стукачей: «Как все страстно поглощенные своей истиной люди, А. Солженицын окрашивает владеющим его душой настроением любую ситуацию, которая его занимает. Но сильная и целеустремленная власть лишь в редчайших случаях бывает сдержанной и щепетильной по отношению к чужим правам. И если слабая власть порождает хаос и легко уступает деспотизму, то сильная власть сама легко вырождается в деспотизм. И от этого противоречия нельзя уйти».

Таким образом, историческая концепция Солженицына расценивается Штурман как ошибочная, и подобно тому как Столыпин критиковал историческую концепцию Гроссмана, Штурман критикует историческую концепцию Солженицына.

Следующее упоминание о «Все течет...» также появилось в полемическом контексте. Вернее, в контексте историко-литературного скандала.

Во втором номере израильского журнала «Народ и земля» за 1984 г. была опубликована статья Ш.П. Маркиша «Пример Василия Гроссмана» – краткий очерк жизни и творчества писателя¹¹. В конце 1985 г. журнал «Континент» опубликовал отзыв на первые два номера этого израильского журнала и на статью Маркиша в частности¹².

Отзыв был резко отрицательным. Критик обвинил Маркиша в том, что тот грубо искажал идею повести: «Ш. Маркиш пишет: «Мыслители и пророки России, ее сильнейшие умы и сердца воспевали русскую душу и предрекали ей великое будущее, но они не видели того, что русская душа – тысячелетняя раба. Именно поэтому избранником ее стал Ленин». Далее это утверждение критика подкрепляется цитатами из Гроссмана, но <...> цитаты едва ли убедительно подтверждают эту весьма модную среди западных

расистов концепцию. К счастью, такие “историософские” пассажи в журнале – исключение».

Упрек в адрес Маркиша можно было бы оценивать как более или менее обоснованный, если бы не текстуальная нестыковка. Дело в том, что Маркиш не столько пересказывал мысль Гроссмана, подтверждая ее цитатами, сколько напрямую цитировал автора. В определенном смысле Маркиша можно было бы упрекнуть в некорректном использовании первоисточника – но никак не в необоснованной его интерпретации. Вот цитата из «Все течет...»: «Эти пророчества сильнейших умов и сердец России объединялись одной общей им роковой чертой. Все они видели силу русской души, прозревали ее значение для мира, но не видели они, что особенности русской души рождены несвободой, что русская душа – тысячелетняя раба. Что даст миру тысячелетняя раба, пусть и ставшая всесильной?»¹³. Следовательно, Маркиш ничего не додумал и не добавил от себя – и обвинить его в голословности было странно. Текст Гроссмана сам все доказывает. Однако было бы абсурдно утверждать, что критик «Континента» не понимал этого. Либо же придется признать, что он сам гроссмановскую повесть не читал, но и в это трудно поверить. Таким образом, можно предположить, что упрек был средством, а не целью. Он служил чем-то вроде предостережения: этой темы, как и этой повести, лучше избегать.

Еще жестче сформулированы критические сентенции в заключительной части рецензии, подписанной редколлегией «Континента» и отделенной от основного текста отточием и пробелом: «ОТ РЕДАКЦИИ: С легкой руки некоторых литературоведов в штатском, осевших на Западе по предварительному соглашению с Лубянкой, розенберговский миф об исконном русском рабстве принялся разгуливать по страницам определенного рода русскоязычных изданий в нашем Зарубежье. Замысел авторов этой, давно скомпрометировавшей себя идейки хрустально прозрачен: помочь советской дезинформации спровоцировать в Советском Союзе волну ответного массового антисемитизма»¹⁴. Далее редакция задает Маркишу четыре прямых вопроса. Во-первых, почему вместе с так называемым рабским русским народом Ленина избрал и отец Шимона Маркиша поэт Перец Давидович Маркиш? Во-вторых, почему по ленинскому пути пошли представители самых разных национальностей? В-третьих, почему среди эмигрантов из СССР нет ни одного ленинца? И наконец, почему же столь ненавидевший Ленина Гроссман до конца жизни «носил в кармане партийный билет, на котором красуется силуэт “великого вождя мирового пролетариата”»?¹⁵

Опять же все эти вопросы впору было задать не Маркишу, а самому Гроссману, будь он жив. Однако последний вопрос его бы, скорее всего, глубоко озадачил, поскольку в партии он никогда не состоял и билета с профилем Ленина в кармане никогда не носил. Но важно тут другое. Накал критики в данном случае возвысился до очень серьезных политических обвинений! Маркиша не просто осуждали за пропаганду идей расизма, но и намекнули на некую его договоренность с Комитетом госбезопасности. Слова о «литературоведах в штатском, осевших на Западе по предварительному соглашению с Лубянкой», явно были отнесены и к самому Маркишу. Иначе говоря, редакция «Континента» решилась на один из экстремальных риторических приемов – дискредитацию самого критика (который, кстати, Гроссмана ни в чем не обвинял). Был даже поставлен вопрос о роли П.Д. Маркиша, отца Шимона Маркиша, в культурной жизни СССР.

Действительно, П.Д. Маркиш, писавший в юности стихотворения на русском, уже после Октябрьской революции стал писать на идиш. И в 1939 г. единственный из еврейских поэтов был удостоен ордена Ленина. Как один из членов Президиума ЕАК он был арестован в 1949 г., а в 1952 г. – расстрелян. Таким образом, национальная принадлежность, по мысли редакции «Континента», не свидетельствует о большей или меньшей склонности к раблепию. Любая же попытка обобщения по национальному признаку приведет к конфликту – и будет способствовать эскалации антисемитизма, поскольку в сухом остатке получается, что один еврей якобы обвиняет русских в инертности и рабской покорности, другой же еврей подтверждает и тиражирует его мысли, не помня при этом собственного родства. В такой ситуации действительно удобнее всего возложить ответственность на известный своей агентурной сетью КГБ.

Выпад не остался без ответа. 21 февраля 1986 г. газетой «Русская мысль» была опубликована статья Маркиша «Любил ли Россию Василий Гроссман?». Ответы были заметно деликатнее сентенций редакции «Континента». Отвечая на обвинения «Континента», Маркиш, по его словам, в первую очередь стремился защитить не себя, а честь самого Гроссмана: «Я пишу эту статью не в защиту самого себя и не ради полемики. Меня тревожит доброе имя “моего” писателя <...>».

Для ответа на вопрос, обозначенный в заглавии, необходимо учитывать несколько факторов.

Во-первых, контекст самой повести: «“Все течет...” давно не перепечатывалась по-русски, книгу нелегко разыскать, и это очень

досадно, потому что и на свежий взгляд, и при повторном прочтении десять страничек 22-й главы *в контексте всей повести* оставляют впечатление нежности и жалости к русской судьбе и российской истории <...>». Во-вторых, необходимо учитывать биографию самого автора, защищавшего Россию на фронте. В-третьих, необходимо учитывать контекст русской классической литературы. «Если гневные и горькие слова русского писателя о России считать доказательством русофобства, придется зачислить в русофобы даже и не знаю какую часть русской литературы, – может, половину, а может, и больше, без различия времен, направлений и жанров», – утверждает Маркиш. Так, по его определению, в русофобии можно будет на основании нескольких строк обвинить и В.С. Печерина, и А.С. Хомякова, и П.Я. Чаадаева, и М.Е. Салтыкова-Щедрина, и Д.С. Мережковского, и И.А. Бунина, и многих других. Что же касается слов о почти супружеском сродстве России с Лениным, то и эта мысль, утверждает Маркиш, была выражена задолго до Гроссмана, например Н.А. Бердяевым, которого в русофобии все же не винят.

Характерно при этом, что, пытаясь оправдать повесть и ее автора, Маркиш старательно отделял ее от политической ситуации в эмигрантской среде. Вряд ли можно считать случайностью и то, что Маркиш не возвращался к своему варианту интерпретации текста, в чем формально был обвинен. Иначе говоря, обе стороны явно понимали, что обсуждение взаимных претензий полагается вести поверх формулировок, которые здесь скорее служили поводом. Маркиш избрал позицию академическую, неслучайно в начале статьи он был заявлен как профессор. На этом спор и был исчерпан.

* * *

Таким образом, гроссмановская повесть в целом не интерпретировалась – обсуждались лишь некоторые ее фрагменты, причем исключительно в политическом, а не художественном аспекте. Проблематика повести так или иначе обнажала множество разногласий между эмигрантскими литераторами и публичными деятелями и задевала интересы кого-то из них: будь то «ревнители нашей народной истории» или те, кто позиционировал себя как противник идей расизма. Не исключено, что по этой причине повесть не переиздавали ни во второй половине 70-х, ни в 80-х годах. К этому тексту апеллировали и в споре с Солженицыным, также противопоставляемым Гроссману. «Все течет...» – даже через 15 лет после публикации – оказалась настолько неудобной для ряда эмигрантов, что в ходе полемики о ней один из известнейших критиков русского

зарубежья Ш.П. Маркиш был обвинен редакцией журнала «Континент» в работе на КГБ. Несмотря на то что, таким образом, с самого Гроссмана была снята ответственность за его сочинение, а для Маркиша политических последствий не наступило, к обсуждению повести никто так и не вернулся.

Примечания

- ¹ Гроссман В.С. Жизнь и судьба // Октябрь. 1988. № 1. С. 3–104; № 2. С. 27–109; № 3. С. 25–156; № 4. С. 3–148; *Он же*. Все течет // Там же. 1989. № 6. С. 30–108.
- ² Бочаров А.Г. Часть правды – это не правда // Октябрь. 1988. № 4. С. 143–148; Гольденберг М.Е. Василий Гроссман «Жизнь и судьба» // Советская культура. 1988. 25 окт.; Добренко Е.А. Художественная идея и романная структура (Роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба») // Художественный опыт советской литературы: стилевые и жанровые процессы. Свердловск, 1990. С. 95–106; Ланин Б.В. Идеи открытого общества в творчестве Василия Гроссмана. М.: Магистр, 1997.
- ³ См.: Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М. Интрига и судьба Василия Гроссмана // Вопросы литературы. 2010. № 6. С. 153–183; Сарнов Б.М. Как это было // Там же. 2012. № 6. С. 9–39; Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М. К истории публикации романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба», или «Как это было» у Б. Сарнова // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 45. С. 175–203.
- ⁴ Ellis F. Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic. Oxford, 1994. P. 18–19; Garrard J., Garrard C. The Bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman. N. Y., 1996. P. 290–298.
- ⁵ Гроссман В.С. Все течет... Frankfurt: Посев, 1970.
- ⁶ Гроссман В.С. Все течет... // Грани. 1970. № 78. С. 3–33; *Он же*. Тихая Машенька: Главы из книги «Все течет...» // Посев. 1970. № 11. С. 51–56.
- ⁷ См.: Грани. 1970. № 78. С. 1.
- ⁸ Здесь и далее цит.: Столытин А.П. Ошибочная историческая концепция Вас. Гроссмана // Грани. 1971. № 80. С. 216–223.
- ⁹ См.: Маркиш Ш.П. Любил ли Россию Василий Гроссман? // Рус. мысль. 1986. 21 февр.
- ¹⁰ Здесь и далее цит.: Штурман Д.М. Стукачи и гонг справедливости // Время и мы. 1979. № 42. С. 133–149.
- ¹¹ Маркиш Ш.П. Пример Василия Гроссмана // Народ и земля. 1984. № 2. С. 170–195.
- ¹² Здесь и далее цит.: По страницам журналов // Континент. 1985. № 45. С. 419–423.
- ¹³ Гроссман В.С. Все течет... Frankfurt: Посев, 1970. С. 175.
- ¹⁴ По страницам журналов. С. 421.
- ¹⁵ Там же. С. 422.